

ТОПУРИА Г. В.

**ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ СКЛОНЕНИЯ
В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

В дагестанских языках функционируют системы склонения, отличающиеся друг от друга принципами его организации, средствами образования и семантикой падежей.

Особенно бросается в глаза большое число формантов, выражающих значение (функцию) того или иного падежа (эргативного, родительного). Привлекает также внимание чрезвычайно разнородный по структуре и составу морфологический инвентарь падежей, создающий особое многообразие склонения в дагестанских языках. Посредством этих формантов (суффиксов) формируются самые различные системы склонения, различающиеся и в морфологическом и в семантическом отношениях. Необходимо учитывать и широкую вариативность падежных форм и суффиксов (образователей этих падежных форм), порождаемую фонетическими процессами, которые активно влияют на характер склонения и порой приводят к существенным, а в ряде случаев и к коренным преобразованиям первичной, исходной системы склонения. Последствия фонетических изменений нередко ставят исследователя в тупик, анализ таких систем осложняется, и механизм склонения с трудом поддается осмыслению. Наряду с трудностями фонетического и морфологического порядка имеются неясности и в синтаксисе: функции падежей требуют дополнительного изучения. В первую очередь это касается природы так называемого совмещающего эргатива, его взаимосвязи с другими падежами и вообще места эргатива в системе склонения. Существенное значение в этом плане, видимо, приобретает вопрос о взаимоотношении эргативного и родительного падежей — вопрос, которому до настоящего времени уделяется недостаточное внимание.

Следует отметить, что данное многообразие систем склонения и избытие формантов не впечатление, полученное на основе анализа дагестанских языков в целом, а реальный языковой факт, в той или иной степени характерный для каждого отдельно взятого языка. Вместе с тем выясняется, что в пределах одного и того же языка и сегодня могут сосуществовать системы склонения разной формации, — это системы, содержащие форманты, разные по своему количеству, фонетическому составу и структуре и относящиеся к различным хронологическим уровням.

Отметим здесь же, что разные системы склонения, их модели не распределены по разным языкам и языки не противопоставляются друг другу с этой точки зрения¹, что, естественно, создает дополнительные трудности при анализе систем склонения.

¹ В этом отношении более ясную картину показывает спряжение глагола, где выделяют три основных типа: 1) классное, 2) классно-личное, 3) личное спряжение. Особое место занимает тип спряжения, в котором не выражены ни класс, ни лицо [1]. Эти типы спряжения более строго распределены по языкам, чем типы склонения.

В настоящем исследовании, разумеется, нет возможности учесть все частные случаи склонения, все морфологические и фонетические отклонения в этих системах. Предпринята, однако, попытка выделить в наблюдаемом разнообразии наиболее характерные для дагестанских языков модели, типы склонения, дающие определенное представление об общем характере склонения.

Представленная ниже классификация систем склонения основана на результатах синхронного анализа парадигм склонения имен существительных в ед. числе. В основном те же системы (при некотором отличии) повторяются и в склонении прилагательных и числительных при большем своеобразии склонения местоимений 1-го и 2-го лица. Строго ограничен и языковой ареал — дагестанские языки.

Эти ограничения необходимы, поскольку приходится иметь дело с большим, богатым и своеобразным материалом. При анализе склонения имя существительное — это тот базис, который дает возможность правильной ориентации в столь разнообразном и пестром материале. Такой путь призван облегчить определение места в общей системе склонения дагестанских языков всех архаизмов, инноваций, особенностей, выявленных при склонении как самих имен существительных, так и других частей речи.

Специалистам хорошо известно, что в дагестанских языках выделяются два основных типа склонения: *одноосновное* и *двуосновное*. Одноосновное склонение, несмотря на своеобразные организацию, построение систем склонения, является все-таки более однородным по сравнению со склонением с двумя основами. Принцип склонения здесь один: все основные падежи (эргатив, генитив, датив) являются самостоятельными морфологическими единицами, и показатель каждого падежа непосредственно присоединяется к чистой именной основе (которую терминологически обычно отождествляют с абсолютивом или номинативом).

Особо большое многообразие и своеобразие наблюдаются при построении систем склонения по принципу двух основ². Данная работа ставит целью выяснить сущность двуосновного склонения, показать, по каким принципам оно строится, выявить все его разновидности, установить взаимоотношения между ними и дать их классификацию.

Представленная ниже классификация деклинационных двуосновных систем носит морфолого-семантический характер и опирается на взаимоотношение эргатива и генитива, с одной стороны, и учитывает отношение указанных падежей к номинативу (resp. абсолютиву, точнее, к чистой основе)³, с другой. В этих взаимоотношениях специфическую роль играет и твор. падеж, являющийся в большинстве случаев «совмещенным», не имеющим своего собственного морфологического выражения (исключения составляют дидойские языки.)

Что же касается дат. падежа, то он в дагестанских языках, в отличие от картвельского датива, в выражении субъектно-объектных синтаксических отношений, как правило, никакой роли не играет (за исключением глаголов класса *verba sentiendi*). Не характерны для датива и морфолого-семантические взаимоотношения, присущие эргативу и генитиву (а также инструменталису), ему чуждо и совмещение функций эргатива (или генитива), и поэтому датив здесь не рассматривается.

² Понятие «принцип двух основ» в научный обиход введено А. С. Чикобава [2, с. 56—57].

³ По своей сути это то же самое, что и *Casus Indefinitus* [3]. Ссылка дается по К. Х. Шмидту [4].

С синхронической точки зрения в дагестанских языках выделяются в основном три типа склонения с двумя основами: I. «Диффузное» склонение, II. Отэргативное или отгенитивное двуосновное склонение, III. Склонение со «вставками».

В склонении I т и п а эрг. и род. (а также твор.) падежи не дифференцированы (и поэтому такое склонение условно именуется «диффузным»). Все падежные функции сосредоточены в одной маркированной именной форме, которая противопоставляется чистой основе и по своей природе является, так сказать, полифункциональной⁴. Этот тип склонения наиболее ярко представлен в одной группе имен существительных лакского языка, где имеется общая эргативно-генитивно-творительная форма, признаком которой является суфф. *-l* с предшествующими гласными (*-al*, *-ul*, *-il*). При основах с гласными в ауслауте вокальный компонент суффикса утерян:

Им.	<i>örç</i>	«мальчик»	<i>hivč</i>	«яблоко»	<i>čitu</i>	«ласточка»
Эрг./род.	<i>örç-al</i>		<i>hivč-ul</i>		<i>čitu-l</i>	
Дат.	<i>örç-an</i>		<i>hivč-un</i>		<i>čitu-n</i>	[ɔ].

Аналогичная модель склонения как одна из возможных параллельных систем именного формообразования засвидетельствована и в удийском и цахурском языках.

II т и п. В системах склонения второго типа выделяется также вторая, производная, маркированная специальными суффиксами форма, которая находится в такой же морфологической оппозиции к чистой основе, как и в первом типе, но с той разницей, что здесь производная форма уже служит базисом для падежного формообразования — в разных системах она получает значение то эрг., то род. падежа. Соответственно выделяются две подсистемы склонения II типа: склонение, основанное на форме эргатива (отэргативное двуосновное склонение, типа II₁), и склонение, основанное на форме генитива (отгенитивное двуосновное склонение, типа II₂).

1. Отэргативное двуосновное склонение. В подобных системах склонения морфологически (поэтому и функционально) от второй, маркированной формы специальными суффиксами выделена форма родительного падежа, в то время как эргатив остается немаркированным. По отношению к генитиву он представлен нулевой морфемой, хотя по сравнению с чистой основой имеет все-таки свой показатель. Иначе говоря, в таких случаях оказывается, что эргатив одновременно и маркирован и не маркирован, в зависимости от того, с какой формой он сопоставляется: по отношению к чистой основе эргатив всегда маркирован (является формой первичного маркирования) — этим он и противопоставляется ей, а при сравнении с род. падежом выясняется, что эргатив не маркирован — не имеет своего собственного показателя. И именно эту маркированную производную форму со значением эргатива в научной литературе совершенно справедливо приравнивают к основной основе [6, 7, с. 214—216; 8, с. 27, 40—44].

Таким образом, в этих системах производные формы и форма эргатива оказываются полностью идентичными. Это и создает впечатление

⁴ Следует заметить, что о полифункциональности той или иной морфологической единицы или о функциональной совмещаемости двух форм (падежей) можно говорить только условно при сопоставлении (сравнении) материалов разных языков. Для отдельно взятого языка (например, аварского) проблемы полифункциональности или совмещаемости не существует. Это лишь проблема, привнесенная лингвистом извне, с позиции другого языка. И при анализе систем склонения, разумеется, всегда надо учитывать это обстоятельство.

(а с точки зрения описательной грамматики так оно и есть), что все члены парадигмы склонения опираются на форму эргатива. Отсюда и термин — о т э р г а т и в н о е двуосновное склонение.

В зависимости от структуры показателя эргатива выделяются несколько разновидностей названной подсистемы склонения: в основном используются суффиксы структур *-V*, *-C*, *-VC*, *-CV*, *-VCV*, с разной частотой функционирования в том или ином языке. Наиболее характерна отэргативная двуосновность для таких лезгинских и дидойских языков, как лезгинский, табасаранский, агульский, арчинский, дидойский, капучинский, хваршийский. Не чужда она и другим языкам, например, аварскому.

Детальное описание этих систем и выявление полной картины, установление правил дистрибуции формантов сейчас не входит в нашу задачу. Ограничимся лишь несколькими примерами, дающими общее представление об этой системе склонения:

		Лезгинский					
Им.	<i>wax</i> «сестра»	<i>γil</i> «рука»	<i>buba</i> «отец»	<i>gum</i> «дым»	<i>beš</i> «лист»		
Эрг.	<i>wax-a</i>	<i>γil-i</i>	<i>buba-di</i>	<i>gum-adi</i>	<i>beš-ini</i>		
Род.	<i>wax-a-n</i>	<i>γil-i-n</i>	<i>buba-di-n</i>	<i>gum-adi-n</i>	<i>beš-ini-n</i>		
Дат.	<i>wax-a-z</i>	<i>γil-i-z</i>	<i>buba-di-z</i>	<i>gum-adi-z</i>	<i>beš-ini-z</i>		
		Хваршийский		Капучинский			
Им.	<i>buc</i> «месяц»	<i>aqo</i> «женщина»	<i>kid</i> «дочь»				
Эрг.	<i>buc-u</i>	<i>aq-a</i>	<i>kid-ba</i>				
Род.	<i>buc-u-s</i>	<i>aq-a-s</i>	<i>kid-ba-s</i>				
Дат.	<i>buc-u-l</i>	<i>aq-a-l</i>	<i>kid-ba-l</i>				
		Южноаварский		Аварский			
Им.	<i>kver</i> «рука»	<i>vac₃</i> «брат»	<i>jac₃</i> «сестра»				
Эрг.	<i>kver-d</i>	<i>vac₃-as₃</i>	<i>jac₃-al₃ⁱ</i>				
Род.	<i>kver-d-ul</i>	<i>vac₃-as₃-ul</i>	<i>jac₃-al₃ⁱ-ul</i>				
Дат.	<i>kver-d-uje</i>	<i>vac₃-as₃-e</i>	<i>jac₃-al₃ⁱ-e</i>				

2. О т г е н и т и в н о е двуосновное склонение. По сравнению с отэргативным склонением здесь выявляется обратное, противоположное взаимоотношение эргатива и генитива: в этих системах присоединяемый к косвенной основе суффикс передает уже значение э р г а т и в а (а не генитива), а нулевой морфемой представлен уже генитив (а не эргатив), т. е. и здесь косвенная основа и форма род. падежа совпадают, как и косвенная основа и эргатив в предыдущей подсистеме склонения. Следовательно, все, что было сказано выше об эргативе, полностью может быть отнесено к генитиву, и понятно, почему в таких случаях имеется полная общность косвенной основы и формы род. падежа. Это и находит свое отражение в термине — о т г е н и т и в н о е двуосновное склонение.

В построении систем этого вида склонения в основном участвуют форманты той же структуры и состава, что и в системе отэргативного склонения.

Подобная система наиболее характерна для крымского языка [9], но встречается и в удийском, будухском, а также хиналугском⁵. Несколько

⁵ Система склонения хиналугского языка описывается по-разному: одни исследователи считают, что эргатив образуется посредством суф. *-i(j)* [10], а другие и в эргативе и генитиве в качестве форманта выделяют только *-i* [11]. Такая будто незначительная разница в констатации языковых фактов приводит к типовым различиям в склонении: в первом случае (*-ij*) дело имеем с II₂ типом склонения, а во втором — с I.

примеров:

Крызский

Им.	<i>kādər</i> «кастрюля»	<i>rix</i> «дорога»	<i>viraγ</i> «солнце»	<i>q₃az</i> «гусь»	<i>tur</i> «сеть»
Род.	<i>kādər-ā</i>	<i>rix-i</i>	<i>viraγ-ži</i>	<i>q₃az-əla</i>	<i>tur-ərda</i>
Эрг.	<i>kādər-ā-r</i>	<i>rix-i-r</i>	<i>viraγ-ži-r</i>	<i>q₃az-əla-r</i>	<i>tur-ərda-r</i>
Дат.	<i>kādər-ā-s</i>	<i>rix-i-s</i>	<i>viraγ-ži-s</i>	<i>q₃az-əla-s</i>	<i>tur-ərda-s</i>

III тип. Широко распространены системы склонения, о которых можно сказать, что это склонение с двумя основами, но не ясно, что из себя представляет вторая основа, какого она происхождения и какая форма лежит в основе склонения. Как эргатив, так и генитив являются здесь самостоятельными падежами и ни один из них, в отличие от систем II типа склонения, не служит основой для образования другого. После усечения чисто падежных формантов остается такая морфологическая единица, которая также противопоставляется чистой основе, но ни с морфологической, ни с функциональной точек зрения ни к какой падежной форме она не приравнивается. Это и есть склонение, известное в научной литературе как склонение со «вставками», «вставочными элементами»⁶. Название обусловлено тем, что в таких системах склонения между именной основой и падежным окончанием появляется (вставляется) такой элемент (сегмент), который в синхронном плане не относится к основе⁷, но и не является показателем какого-либо одного падежа, повторяясь во всех падежных формах. Для обозначения данного морфологического элемента используются и другие названия: «детерминант основы», «распространитель основы», в зависимости от того, какое назначение элемента усматривает исследователь. Более употребителен из этих двух термин «распространитель».

Систему склонения III типа с той или иной частотой можно обнаружить во всех подгруппах дагестанских языков, но наиболее характерны они для лакского и аварско-андийско-дийских языков. В структурном отношении соединение «вставки» и падежного показателя, естественно, создает более сложные форманты, чем отдельно взятый суффикс эргатива или генитива. В таких случаях падежный маркер имеет следующие основные структуры: -CVC, -VCVC -CVCV, -VCVCV, -CCVC, -VCCVC, -CVCVC.

	Южноаварский	Лакский	Гунзибский
Им.	<i>kver</i> «рука»	<i>duš</i> «дочь»	<i>kaγar</i> «бумага»
Эрг.	<i>kver-du-d</i>	<i>duš-ni-l</i>	<i>kaγar-bo-l</i>
Род.	<i>kver-du-l</i>	<i>duš-ni-l</i>	<i>kaγar-bo-s</i>
	Ахвахский	Ботлихский	Гинухский
Им.	<i>mešu</i> «нож»	<i>anzi</i> «снег»	<i>toq</i> «нож»
Эрг.	<i>mešu-na-de</i>	<i>anzi-la-di</i>	<i>toq-ru-j</i>
Род.	<i>mešu-na-l'e</i>	<i>anzi-la-l'i</i>	<i>toq-ru-s</i>

⁶ О природе «вставок» см. [12, 13; 14, с. 57—60, 141—144; 15—17].

⁷ Для специалистов не ново, что при некоторых имснах «вставочный» элемент (гласный, согласный, комплекс) в историческом плане может оказаться усеченной частью основы, восстанавливаемой в какой-либо падежной форме (обычно эргативного или родительного). Подобные древние элементы выявляются лишь путем специального диахронического анализа. Однако, по правильному замечанию А. С. Чикобава [18, с. 110—111], в языке всегда остается определенное число примеров, в которых едва ли возможно квалифицировать эти элементы как принадлежность основы (например, в заимствованных словах). В таких случаях, естественно, должна меняться морфологическая характеристика той или иной парадигмы склонения.

	Каратинский		Гинухский		Рутульский
Им.	<i>anča</i> «камень»		<i>*aql</i> «женщина»		<i>dan</i> «зерно»
Эрг.	<i>anč-la-l</i>		<i>*aql-la-l</i>		<i>dan-əl-ər</i>
Род.	<i>anč-la-l'</i>		<i>*aql-la-s</i>		<i>dan-əl-u</i>
	Будухский		Лакский		
Им.	<i>lem</i> «осел»	<i>nik</i> «колени»	<i>žira</i> «бедро»		
Эрг.	<i>lem-əld-ər</i>	<i>nik-ur-al</i>	<i>žir-t_oura-l</i>		
Род.	<i>lem-əld-u/ə</i>	<i>nik-ur-al</i>	<i>žir-t_oura-l⁸</i>		

Понятно, что предлагаемая классификация базируется на «идеальных», регулярно построенных системах склонения. Представленные парадигмы не нуждаются в каких-либо «поправках», не требуют никаких реконструкций. Системы прозрачны и ясны. Но специалистам хорошо известно, что в дагестанских языках функционируют и такие системы, которые не укладываются в рамки моделей, парадигм, предусмотренных данной группировкой, и остаются вне этой классификации. При общей классификации, разумеется, невозможно учесть все фонетические и морфологические варианты двуосновных систем склонения, но во всех частных случаях специальный анализ призван выяснить характер и природу отклонений от нормы и тем самым определить место этих своеобразных, видоизмененных систем в данной классификации⁸.

Таковы коротко основные результаты описательного анализа двуосновных систем с точки зрения правил организации склонения. Прежде чем перейти к диахронической интерпретации этих систем, нужно сказать несколько слов по поводу одного терминологического вопроса.

В иберийско-кавказском языкознании широко используются термины «косвенная основа», «косвенный падеж», но в научной литературе уже ставится вопрос о том, что «понятия „прямой падеж“, „косвенный падеж“, перенесенные из морфологии древнегреческого языка в синтаксис индоевропейских языков, вряд ли могут служить критерием для квалификации падежей в иберийско-кавказских языках» [20]. Несоответствие обусловлено тем, что под понятие косвенного падежа попадает и эргатив, падеж реального субъекта при переходных глаголах, который по своей природе является именно прямым падежом, а не косвенным: считают, что эрг. (повествовательный) падеж исторически является «первым именительным» [2, с. 48; 21]. Видимо, в принципе то же самое можно сказать и о «косвенной» основе, ибо, как будет показано ниже, морфологическая форма, именуемая «косвенной» основой, в историческом плане является грамматической формой выражения того же реального субъекта, который обозначается термином «эргатив», но отличается от него в хронологическом отношении. Чтобы разграничить эргатив двух уровней, нами вводится новый термин *п л е о э р г а т и в*, который одновременно указывает на древность формы и на его функцию — выражение реального субъекта. Понятие древнего эргатива уже было использовано в научной литературе [18, с. 98, 106], но термин «палео-

⁸ Образцы парадигм склонения здесь и выше заимствованы из работ Е. А. Бокарева, Т. Е. Гудавы, Г. Х. Ибрагимова, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магомедбековой, У. А. Мейлановой, Г. Б. Муркеллишского, А. С. Чикобава.

⁹ Так, например, если следовать традиционному анализу одного типа склонения в даргинском языке, то окажется, что для этой модели вообще нет места в предложенной классификации, поскольку и по сей день считается, что принцип двуосновности в этих парадигмах нарушен (вернее, не выдерживается до конца). Однако и в этих случаях действует принцип двух основ, соответствующий III типу склонения: *biç* «вомок» — эрг. *biç-l-i*, род. *biç-l-a*, дат. *biç-l-i-j* [19].

эргатив» имеет то преимущество, что он более удобен в плане словопроизводства: «палеоэргативная основа», «палеоэргативный уровень в склонении» и т. д. Традиционный же термин «косвенная» основа оставляем как один из возможных синонимов.

Нужно сказать несколько слов и о морфологическом инвентаре, который формирует систему двусловного склонения, передает различные функциональные взаимоотношения падежей. Выявлены форманты эргатива следующих структур: -V, -C, -VC, -CV, -VCV, -CVC, -VCVC, -CVCV, -VCVCV, -CCVC, -VCCVC, -CVCVC — всего 12 структур. По существу они повторяются и в формантах род. падежа. Установлено, что в образовании формантов обоих падежей используются элементы *d, r, l, n, j, b* (не говоря уже о других фонетических вариантах — *t, ʒ, z, m...*), а в аварско-индийско-дидойских языках наличествуют и форманты несколько иного характера: *-as_o, -al_o, -ca_o; -š²-(s_o), -l_o; -l_o’-l’-l’; -s*. Все эти суффиксальные элементы в сочетании со всеми гласными и путем взаимного комбинирования порождают удивительное множество формантов — столь необычное и непривычное для агглютинативных языков. Те или иные вокальные и консонантные элементы и их сочетания в разных языках, конечно, встречаются с неодинаковой частотой и вероятностью. В том или ином языке всегда действуют какие-либо ограничения, запреты, распространяемые на отдельные форманты, составные компоненты суффиксов (гласные, согласные) и их комбинации, и не всегда их можно подвести под какое-либо правило, к определенной закономерности. Несмотря на эти трудности, совершенно очевидно, что наблюдаемое многообразие формантов не может быть изначальным — слишком велика амплитуда различий в строении формантов: от -V, -C до, скажем, -CVCVC. Не имея возможности здесь коснуться всех вопросов структурного анализа падежного инвентаря, предлагаем правило (проверенное на всех типах двусловного склонения), которое призвано навести хотя бы частичный порядок в этом кажущемся формантном хаосе: во всех двусловных системах склонения в эргативе и генитиве выделяются суффиксы до первого согласного от начала форманта (включая согласный), которые в историческом плане являются образователями палеоэргативной («косвенной») основы, а не показателями падежей. Эти суффиксы, первоначально имевшие структуру -VC (в ряде случаев упрощаясь в структуру -V или -C), функционируют самостоятельно или же входят в состав более сложных формантов.

Такая постановка вопроса приводит к выводу (правомерность которого можно проиллюстрировать фактами всех дагестанских языков), что во всех таких системах следует выделить производные формы, образованные формантами структуры VC (>V, -C), которые по своей природе и есть традиционные «косвенные» основы, фигурирующие во всех трех типах склонения. Однако особое внимание следует обратить на то, что в современных системах склонения эта вторичная, производная морфологическая единица используется в различных падежных значениях: в склонении I типа одновременно выражает семантику эргатива, генитива, инструменталиса. Это и есть полифункциональная форма, отражающая палеоэргативный уровень в склонении; во II типе аналогичная форма передает функцию или эргатива или генитива (функция творительности в обоих подсистемах этого типа склонения совмещена с эргативом). В III типе данная форма не имеет конкретного падежного значения и потому кажется образованной элементами («вставками»), не имеющими функции с точки зрения описательного анализа.

Таким образом, во всех системах склонения выделяются производные именные формы, имеющие различную функциональную нагрузку, и эти различные семантические возможности в разных языках реализуются по-разному. Поэтому их и следует рассматривать как полифункциональные морфологические единицы, способные выражать (совмещать) семантику разных падежей. На наш взгляд, это и есть та вторичная, маркированная основа, которая в историческом плане противопоставлялась (а в некоторых системах противопоставляется и сегодня) чистой, немаркированной основе. Анализ двусловных систем склонения приводит к заключению, что на подобной производной форме и базируется склонение в целом: первоначальная, исходная двухступенчатая, двусловная система — бинарная оппозиция двух именных форм (немаркированная — маркированная) — и является тем фундаментом, на который опирается склонение с двумя основами и вообще склонение в дагестанских языках¹⁰.

Все сказанное выше в диахроническом аспекте означает, что любую систему II и III типа склонения можно свести к одной общей модели I («диффузного») типа склонения. Этот первоначальный вид именного формообразования наиболее ярко выражен, как уже было показано, в лакском языке, где двучленное противопоставление в ряде случаев строго выдерживается и по сей день: *hivč* «яблоко» — *hivč-ul* «яблоко» (эрг.), «яблока» (генит.), «яблоком» (твор.). Однако этот уровень в именной морфологии, видимо, все еще не есть склонение, хотя здесь и следует искать его истоки. Склонение возникает тогда, когда подобная многозначная именная форма превращается в основу, на которую впоследствии опирается склонение, т. е. из этой семантически недифференцированной формы выделяется какое-либо падежное значение с соответствующим морфологическим обозначением. Такие зачатки склонения выявляются в удийском и цахурском языках, где, с одной стороны, имеется модель склонения чисто лакского типа, а с другой стороны, функционирует система склонения (как одна из параллельных), дающая возможность проследить сам процесс склонения — уяснить механизм его формирования, выявить принцип организации, показать, как происходит семантическое расщепление полифункциональной именной формы и как данная форма становится «косвенной» (палеоэргативной) основой, от которой в качестве самостоятельной морфологической единицы впоследствии вычлепляется какая-либо падежная функция путем дополнительного, повторного маркирования этой «косвенной» основы. Прежде всего это относится к генитиву и эргативу, их взаимоотношению. А в этих отношениях наблюдается следующая закономерность. Если в результате повторного маркирования палеоэргативной основы выделена форма эргатива, то «косвенная» основа автоматически приобретает значение род. падежа, и наоборот — при морфологическом обозначении род. падежа «косвенная» основа становится формой эргатива.

Правило хорошо иллюстрируется примерами из близкородственных удийского и цахурского языков.

¹⁰ В этом свете заслуживает внимания схема протокартвельской системы склонения, предложенная К. Х. Шмидтом [22, 23]. Принципиально иную систему для общедагестанского языка предполагает Б. К. Гигинейшвили [24].

	Удийский		Цахурский
Им.	<i>tur</i>	«нога» ср. <i>tu, qaz</i>	«рог» <i>o</i> «дрова»
Эрг.	<i>tur-in</i>	<i>tu, q-in-en</i>	<i>os-an</i>
Род.	<i>tur-in</i>	<i>tu, q-in</i>	<i>os-an/ os-an-a/i</i> ¹¹ .

Следовательно, морфолого-семантическое дифференцирование эргатива и генитива — процесс одновременный. Вместе с тем ясно, что именно такой эргатив и такой генитив являются падежными формами, если можно так выразиться, второго поколения, противопоставляясь палеоэргативной основе в морфологическом и семантическом смысле.

Здесь нужно признать, что все еще открытым остается вопрос, какой язык какому типу склонения отдает предпочтение. Единственное, что можно с уверенностью констатировать, это то, что отэргативное склонение, по сравнению с отгенитивным, имеет более широкий ареал распространения, а отгенитивное склонение характерно только для лезгинских языков, преимущественно для шахдагской подгруппы.

Думается, что процесс разграничения эрг. и род. падежей, выявленный на материале удийского и цахурского языков, должен был быть общим для ряда других дагестанских языков (но не всех)¹², хотя нельзя сказать, что аналогичные системы склонения, столь ярко выражающие взаимосвязь обоих падежей, имеют широкое распространение. Скорее, наоборот — они носят пережиточный характер. Более новые системы наличествуют в III типе склонения. Здесь свой собственный маркер имеют уже и эргатив и генитив (другой вопрос, каковы структура и природа этих формантов), а «косвенная» основа, как бы освободившись от всех падежных значений, становится формой, не имеющей с точки зрения синхронии никакой функциональной нагрузки.

Подытоживая результаты синхронного и диахронического анализа двусловных систем склонения, следует сказать, что во всех описанных системах выделяется морфологически оформленная, производная форма, которая на раннем этапе развития (вернее, при зарождении) склонения функционировала самостоятельно и противопоставлялась чистой основе, создавая бинарную оппозицию. В семантическом отношении данная производная форма по своей природе была полифункциональной, т. е. не являлась ни «эргативом», ни «генитивом» и ни «инструменталисом», а представляла собой нечто единое, объединяющее все синтаксические функции в одной морфологической единице. Полифункциональность же проявлялась в том, что она имела потенциальную возможность либо превратиться в один из названных падежей, либо оставаться без семантических изменений, совмещая в себе функции всех этих падежей [27].

Естественно, напрашивается вопрос: что из себя представляет данная маркированная форма в синтаксическом, функциональном отношении? С какой целью она создана в языке? Ответ однозначен: палеоэргативная основа является формой выражения реального субъекта в имени — его грамматического класса.

Из истории дагестанских, да и горских иберийско-кавказских языков в целом хорошо известно, что при первоначальном, исходном классном

¹¹ [25; 26, с. 240, 242]. В отличие от нас, Е. Ф. Джейранишвили предполагает, что совпадение форм эрг. и род. падежей в удийском и цахурском языках носит случайный, вторичный характер и является результатом утери собственного показателя генитива [26, с. 280—283].

¹² В южноаварском, андийских и некоторых дидойских языках более или менее прослеживается и несколько иной характер взаимоотношения эрг. и род. падежей.

спряжении в переходных глаголах морфологически выражался только прямой объект (его грамматический класс), а реальный субъект — (дея-тель, агенс) на раннем этапе развития языков нигде не фигурировал, т. е. морфологически не был маркирован.

Впоследствии усиление синтаксической роли (и соответственно морфологических «прав») субъекта транзитивного глагола привело к необходимости морфологического маркирования наряду с объектом и субъекта. Следует подчеркнуть, что речь идет о субъекте именно транзитивного (в историческом плане динамического) глагола, ибо субъект интранзитивного глагола не маркирован и по сей день — он представлен в виде чистой, неоформленной (немаркированной) основы, в так называемом абсолютном падеже.

Для выражения реального субъекта иберийско-кавказские языки избрали два принципиально различных пути, которые в конечном итоге ведут к одной цели:

1) в абхазском и абазинском языках обозначение субъекта (вместе с объектом) взял на себя опять-таки глагол — в результате чего появились два ряда морфологических элементов: Д и Л [28, 29], передающие субъектно-объектные отношения и при отсутствии склонения;

2) в большинстве других нахских и дагестанских языков центр тяжести переместился на имя: была выработана новая, специально маркированная форма, которая, указывая уже на класс реального субъекта в имени (а не объекта и не в глаголе), противопоставлялась чистой, неоформленной основе, вследствие чего и была образована указанная первоначальная двухступенчатая система. Эта морфологическая инновация и положила начало формированию склонения, что в дальнейшем повлекло за собой большие структурные сдвиги в грамматической системе дагестанских языков, о чем ясно свидетельствует представленная выше картина склонения.

Несколько слов о грамматических классах в склонении. Данная система реально функционирует и по сей день в некоторых дагестанских языках — в цахурском, рутульском (во мн. числе), арчинском, аварском, андийских. Имеются и пережиточные свидетельства бывшего классного склонения (например, в лезгинском). Кроме того, основой массив падежных формантов и образователей «косвенных» основ составляют элементы *d*, *r*, *l*, *n*, *j*, *b* и их фонетические варианты, которые являются обычными, живыми, ныне действующими экспонентами грамматических классов во многих дагестанских языках. Обращает на себя внимание и то, что классное значение в склонении приобретают и такие элементы, которые по происхождению не связаны с грамматическими классами, — факт, сам по себе заслуживающий внимания с общелингвистической точки зрения. Таковы: суффиксы эргатива $-(a)s_a$ (I кл.), $-(a)l'_a$ (II кл.), $-c_a$ (III кл.) — в аварском; те же элементы $-s_a$ ($-s_a$), $-l'_a$, но уже в роли «вставок» — в андийских языках (с той же дистрибуцией, что и в аварском); суффиксальные элементы род. падежа — $-l'_a$ / $-l'$ / $-l'$ — в андийских языках (при именах класса вещей) и $-s$ — в дидойских языках (всех классов). Все это, несомненно, говорит о том, что категория грамматических классов была характерна для склонения всех дагестанских языков в прошлом¹³. Учитывая это обстоятельство, форманты, содержащие элементы *d*, *r*, *l*. . ., следует расценивать как наиболее древний слой в падежном формообра-

¹³ Укажем на несколько работ по истории грамматических классов с различными подходами к данной категории [30—34; 7, с. 265—268] и др.

зовании, а суффиксы другого ряда (-as, -al, ...) — как морфемы сравнительно новой формации. Поэтому форманты этих двух рядов необходимо строго разграничить при анализе систем склонения.

Теперь, конечно, мы не можем установить первоначальную систему классной оппозиции в склонении. Могут быть разные толкования: исходя, например, из минимальной, двучленной оппозиции, можно считать, что в эрг. падеже наличествовали два показателя класса: один для обозначения субъекта класса личности (кто?), а другой — для класса вещей (что?). Не исключено, что морфология имени могла в склонении отразить результаты последующей дифференциации (детализации) системы грамматических классов.

На фоне двухклассного эргатива особую значимость приобретает вопрос о взаимоотношении эргатива и инструменталиса. При так называемом «совмещающем» (герс. бифункциональном) эргативе функция твор. падежа выявляется лишь при именах класса вещей. Установлено, что последующее выделение твор. падежа как самостоятельной морфологической единицы в ряде языков происходит на основе реинтерпретации функции бывшего показателя эргатива (точнее, палеоэргатива, — с нашей точки зрения), именно класса вещей, как это имело место в дидойских языках [35—37; 14, с. 134—140]. Следовательно, в историческом плане инструменталис бифункционального эргатива не что иное, как тот же эргатив, но только для имен класса вещей.

В заключение предлагаем общую схему формирования и развития склонения в ряде дагестанских языков:

Схема¹⁴ указывает на то, что магистральная линия развития склонения ведет к осложнению, т. е. из единого «падежа» с определенной морфологической характеристикой (палеоэргатива) постепенно вычленяется та или иная функция реального субъекта с соответствующим морфологическим эквивалентом, превращаясь в известной последовательности в самостоятельный падеж, в том числе и в эргатив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чикобава А. С. Основные типы спряжения глаголов и их исторические взаимоотношения в иберийско-кавказских языках. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960.
2. Чикобава А. С. Один вариант сванского эргативного падежа в связи с принципом «двух основ» в склонении имен некоторых кавказских языков. — Тр. Тбилисского гос. ун-та, 1941, т. XVIII (на груз. яз.).
3. *Bohlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. The Hague, 1964.
4. *Schmidt K. H.* Kaukasische Typologie als Hilfsmittel für die Rekonstruktion des Vorindogermanischen. Innsbruck, 1983, S. 12—16.
5. *Муркелинский Г. Б.* Грамматика лакского языка. I. Морфология. Махачкала, 1971, с. 90—91.
6. *Бокарев Е. А.* Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, с. 85, 153.
7. *Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. М., 1980.
8. *Алексеев М. Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М., 1985.
9. *Саадиев Ш. М.* Склонение имен существительных в крыском языке. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.
10. *Дешериев Ю. Д.* Хиналугский язык. М., 1959, с. 23, 29—31.
11. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П.* Фрагменты хиналугского языка. М., 1972, с. 49—54.
12. *Жирков Л. И.* Лакский язык. М., 1955, с. 28—30.
13. *Чикобава А. С., Церцвадзе И. И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962, с. 119—124 (на груз. яз.).
14. *Игнашвили Д. С.* Дидойский язык в сравнении с гинухским и хварпийским языками. Тбилиси, 1963.
15. *Ломтадзе Э. А.* Гинухский диалект дидойского языка. Тбилиси, 1963, с. 108—109.
16. *Бурчуладзе Г. Т.* Склонение имен существительных в лакском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбилиси, 1970, с. 3—15.
17. *Талибов Б. Б.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей цахурского языка. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979, с. 5—6.
18. *Чикобава А. С.* К истории образования эргатива в аварском языке. — ИКЯ, 1948, II (на груз. яз.).
19. *Топуриа Г. В.* К генезису одного типа склонения в даргинском языке. — ИКЯ, 1985, т. XXIV (на груз. яз.).
20. *Чикобава А. С.* Об эргативном падеже — «косвенном» и «прямом» в иберийско-кавказских языках. — В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: Тезисы докладов IX региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. 16—18 сентября 1981 г. Махачкала, 1981, с. 3—4.
21. *Чикобава А. С.* К генезису повествовательного падежа (эргатива) в картвельских языках. — Тр. Тбилисского гос. ун-та, 1939, т. X, с. 175 (на груз. яз.).
22. *Schmidt K. H.* On the reconstruction of Proto-Kartvelian. — *Revue de kartvélogie*, 1978, v. XXXVI, p. 255.
23. *Шмидт К. Х.* — ИКЯ, 1980, VII, с. 347—348. — Рец. на кн.: *Услар П. К.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.
24. *Гигинейшвили Б. К.* Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности. — ВЯ, 1976, № 1, с. 38—39.
25. *Джейранишвили Е. Ф.* Удийский язык. Тбилиси, 1971, с. 58 (§ 11), 61 (§ 13), 68 (на груз. яз.).
26. *Джейранишвили Е. Ф.* Цахский и мухадский языки. II. Морфология. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).

¹⁴ Ср. со схемой образования основных падежей на пралеzgинском уровне [8, с. 45].

27. *Топуриа Г. В.* Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий, их функции в иберийско-кавказских языках.— В кн.: Вопросы синтаксического строя в иберийско-кавказских языках. Нальчик, 1977, с. 33.
28. *Ломтадзе К. В.* Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, с. 123—126 (на груз. яз.).
29. Грамматика абхазского языка. Сухуми, 1968, с. 77—93.
30. *Джавашвили И. А.* Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тифлис, 1937, с. 133—257 (на груз. яз.).
31. *Deeters G.* Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?— *Corolla Linguistica*, 1955.
32. *Андеуладзе Н. Д.* Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968, с. 5—57 (на груз. яз.).
33. *Чикобава А. С.* Введение в иберийско-кавказское языковедение. Тбилиси, 1979, с. 86—118 (на груз. яз.).
34. Структурные общности кавказских языков. М., 1978, с. 67—68.
35. *Ломтадзе Э. А.* К вопросу об историческом взаимоотношении эргативного и инструментального падежей в капучинско-гунзибском языке.— ИКЯ, 1953, IV (на груз. яз.).
36. *Ломтадзе Э. А.* Анализ капучинско-гунзибского языка.— ИКЯ, 1956, VIII, с. 401—403.
37. *Бокарев Е. А.* Из истории склонения в языках цезской группы Дагестана.— В кн.: Академику В. Б. Виноградову. М., 1956, с. 122.